

ИВАН ГУРЬБИН

Иван Александрович Гурьбин, из Кривцова, 60 лет, крестьянин, в прежние годы занимавшийся преимущественно изделием гребней, отчасти земледелием. Былины перенял частью от своего отца, частью от посторонних стариков. Кроме здесь помещаемых, пел обыкновенную былинку про Добрыню и Алешу, про Дюка Степановича и Михайлу По́тыка. Гурьбин петь былин не умеет, но знает содержание их, которое рассказывает словами, в виде сказок.

СВЯТОГОР

- Ездил-то Илья да по чисту полю
 Да наехал Илья на поляницу тут.
 И да едут с поляницей по чисту полю,
 Да ударил ёво палицей по буйной головы,
 5 Да ударил ён тут во другие раз,
 Да ударил ён ведь тут да в третий раз,
 И розгорелось у ёво сердце богатырско,
 У тово ли у Самсона Святигора у богатыря.
 Дал-то-ко Илью да за белы руки,
 10 И положил-то-ко Илью да во корман к себе,
 И дал-то-ко Илью да во кормани у себя.
 Еще стал туто ведь конь да попинатисе.
 - Еще что ты туто, волчья сыть да травяной мешок!
 Еще что ты туто ведь да запинаешься,
 15 Еще разве ты незгону мне-ка ведаёшь?
 И да провецился ведь конь языком человеческим:
 - Еще где мне-ка возить да двух богатырей с конём.
 И вынимал туто Самсон Илью да из кармана тут,
 Да поехали с Ильей да по святым горам,
 20 Еще стал Самсон-Святигор тут выпрашивать:
 — Да велика ли в тебе да еще сила есть?
 - А й во мне еще сила небольшая есть,
- Еще только побиваю я ведь храбростью своей.
 - И да славные Илья да ведь ты Муромец!
 25 Да ведь во мне-то сила да такая есть,
 Кабы в земною-то обширности был столб,
 Да как был бы-то в небесной вышины,
 Да кабы было в столби в этом кольцо,
 Поворотил бы я всю землю подвселенную.
 30 И поехали-то тут они да по святым горам,
 И наехали на тех они на святых горах,
 Да лежит туто ведь две сумы переметные,
 И говорит туто Самсон да таково слово:
 - Уж ты славные Илья да ты Муромец!
 35 Соходи-ко ты, Илья, да со добра коня,
 И каки туто лежат две сумы переметные,
 Поздымай-то ты сумы переметные.
 Соходил-то-ко Илья да со добра коня,
 И он примается за ты сумы за переметные,
 40 Еще те ли сумы с места не здымаются.
 Соходил-де ведь Самсон да со добра коня,

Еще сам-то за сумы да принимается,
Еще те ли-де сумы да с места не здымаются,
А все жилы и суставы у Самсона ропущаются,
45 И по колену-то в землю Самсон убирается.
(Тут Илья его и похоронил).

Записано на Кенозере, 15 августа.

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛБИ МУРОМЦА

- Ездил-де стар по чисту полю,
 Ото младости ездил он до старости.
 И хороший у его был добрый конь,
 И за конём-то он ведь перевозу век не прашивал,
 5 И все реки-ты, озёра конь ведь перескакивал,
 Мелкие источны промеж ног пустил.
 Да наехал-то де старый на чистом поли
 Да на те ли на росстани на черниговски.
 И лежит-то на росстанех ведь латынь камень,
 10 И на камешки-то подпись написана:
 — Во дороженьку ту ехать, где ведь старому богату быть,
 Да во другую-ту ехать, где женату быть,
 Да во третью-ту дороженьку ведь ехать, где убиту быть.
 Да сидит-то-ко ведь старый на добром кони,
 15 Да сидит-то-ко ведь старый пороздумался:
 - Да на что-то мне ведь старому богатство?
 Еще нет у мя любю-то семьи да молодой жены,
 И нету малых у мя да нету детонёк,
 Еще некому тощить да золотой казны.
 20 А на что-то мне да старому жениться?
 Еще старая мне взять, дак не нажитися,
 И от старою-то мне да ведь замены нет,
 И да молодая́ взять, то ведь чужа корысть.
 Да поеду в ту дорожку, где убиту быть.
 25 Да отъехал-де ведь старый за три поприща,
 Да по-русьски-то сказать да за три верстоньки.
 Вышло сорок-то воров да разбойников,
 Вышло сорок-то станичных подорожников,
 Туту хочут старого-де ведь пограбити.
 30 Еще что тута у старого пограбити?
 И тачмяная да есть на бурушке в пятьсот рублёв,
 И черканское седёлко во две тысячи,
 И на бурушке попона есть семи шелков,
 И в три строки́ ли-то попона была точена.
 35 Еще первая строка да злата серебра,
 А другая-та строка да чиста золота,
 Да третья-та строка меди́ казарочки,
 Еще тою ли-де ме́ди журавицкие,
 Да на всех-то уголках да камешки самоцветные,
 40 И во гривушку тут вплетан-де скачён жемчуг,
 Не для ради красы-басы,

Брал-то-ко ведь ей да за белы руки,
85 И за ей-то ведь за перстни за злачёные,
И бросил-то на кроватку слоновых костей.
А у ей-то ведь кроваточка подложная,
Увалиласе во погреб сороку сажен.
Выходил-то старые казак да Илья Муромец,
90 Выходил он с теремов ведь златоверхих,
И перстами-то замки он сдергивал,
Да ногами-то ведь двери вон вышибывал.
Вышло сорок-то царей да ведь царевичев,
Вышло сорок королей да королевичев,
95 И вышло сорок сильниех могучиех богатырей.

411

И говорил тут старые казак да Илья Муромец:
- Еще глупы вы, цари да все царевичи,
И да глупы короли да королевичи!
Вы сдааетесь на прелесь-ту на женскую.
100 И говорил тут старые казак да Илья Муромец:
— Вы поезжайте-тко да по своим местам,
По своим местам вы ко своим женам,
И ко малыем ко глупыем ко детонькам.
И туто все они да съединилися
105 И да стару казаку да Ильи Муромцу
И да все-то ведь оне да поклонилися.
Туто взял ведь он росстрелял прекрасную королевичну,
Пресек, припластал, куски разметал по чисту полю,
И назад-то-ко старенькой ворóтился,
110 И он старую-ту подпись вон выхеривал,
Да ведь новую-ту подпись подписывал:
- И стали туто старому женату быть,
Туто старенькой женат не бывал.
И поехал в ту дорожку, где богату быть.
115 И отъехал старой за три поприща,
Да по русски-то сказать за три вёрстоньки,
И тут стоят-то погреба да золотой казны.
Тут он взял эту казну и стал строить монастыри.

Записано там же, 15 августа.

412

ДУНАЙ

А во стольнѣм-то городи во Киеви
 Да у ласкова князя у Владимира
 И хорошей-то заведен был почестной пир,
 На все сильние могучи на богатыри
 5 И на все ли поляницы на удалые.
 И долог-то ведь день идѣт ко вечеру,
 И да все ли во пиру да пьяны веселы,
 Сам государь да распотешился.
 Еще красное солнышко Владимир князь
 10 И он по гридни по столовые похаживат,
 И он умильних-де слов выговариват:
 - Еще все у нас во Киеви поженены,
 А девицы-ты, вдовицы за муж выданы,
 Еще я-то-де Владимир не женат хожу.
 15 Еще кто бы мне-ка знал да супротивницу,
 Чтобы любя-то да мне была княгинею,
 Еще вам нарекать да государынею.
 Тут большой-от ворог-де хоронится за среднего,
 А серѣдней-от ворог хоронится за меньшего,
 20 А й от меньшего от вѣрога й ответа нету.
 Из-за тово ли-де ведь столика окольного
 Стават тихие Дунай сын Иванович:

413

— Благословь-ко ты словцо промолвити.
 - Говорит-ко ты, тихой Дунай Иванович!
 25 — И я жил-то я во земли во польские
 А й у короля у Жимана у польского.
 И жил я во служеньице двенадцать лет,
 И есть у нево три дочѣри любимые:
 Еще перва — Настасья королевична,
 30 Еще та тебе не буде ведь царицею,
 Ездит в чистом-то во поле поляницею.
 Есть вторая-то ведь — Марья королевская,
 И та просватана в землю в жидовскую
 И за царя-то за Кощея за Трипетова,
 35 И тут пописаны-то записи крепкие.
 И третья-то есть Апракси королевична,
 Еще та тебе любя княгинею,
 И нам нарекати государынею,
 Есть нам кому покоритисе,
 40 И по низкому нам поклонитисе.
 - И тихие Дунай сын Иванович!

И силы ты бери сорок тысячей,
Золотой ты казны — сколько надобно,
И поедь-ко ты ко королю посватайся.
45 И добром отдаёт, так ты добром возьми,
А добром не даёт, так ты забоём возьми,
И силою грозой княженецкою,
И великой могутой богатырскою.
— И красное солнышко Владимир князь!
50 О сватовстве-то с войском-то не ездят ведь.
Дай-ко думщицка мне да ведь советничка,
А дай молодца Добрынюшку Микитьевича,
А ево-то-де родительство хорошее,
Да умее-то Добрыня с людьми ричь говорить.
55 Да не долго тут у Солнышка замешкалосе,
И давал думщицка ему да ведь советничка,
А еще молодца Добрыню-то Микитича.
И да седлали да уздали ведь добрых коней,

414

Не для ради красы-басы молодецкие,
60 Для ради могуты ведь богатырские.
И да видели ведь молодцев седучи
И да не видели удалых поедучи.
И да наскок-от берут да по целой версты,
Да ископыт тут мечут по целой копны.
65 И приехали во землю во польскую,
И ко Жиману, ко королю литовскому.
И оставлял ведь он товарища в чистом поли,
И поехал-де ко Жиману на широкий двор,
А идёт-де во полаты безобьявочно,
70 И крест-от он кладёт да по писаному,
И молитву-ту творит изуст по книжному,
И поклон-от он ведёт да по ученому,
Еще с правого колена до сырой земли,
И Жиману-де королю в особину.
75 — Поди, тихие Дунай да сын Иванович!
Аль в придверники идёшь ли в приворотники,
Аль в любимые идёшь ко мне во конюхи?
— И не в придверники иду, не в приворотники
И не в любимые иду да я во конюхи,
80 Я пришол к тебе ведь, король польские,
Посвататься-то да на хорошей Апракси королевичны,
И за солнышка Владимира за князя.
И росшумелися со королем о большую,
И выходил-то-ко тихой Дунай Иванович

85 И на то ли на крылечко на перёное
И махнул он туто шелковым платком.
- И казни-тко ты татар да и улановой
И всех тутó идолищѣв поганных.

Да из чистого-то поля ведь бегці́ бежат,

90 А из чистого-то поля ведь гонці́ гонят.
И не велика-то птичка летат во чистóм поли,
Еще все-де нашу силу о полú била,
И для одной-то нам ведь девки не погинути.
Говорит туто да кóроль Жíман польские:

415

95 — Уйми-тко ты ведь думщичка советничка,
Уйми молодца Добрыню Микитича.
Отдаём-ко мы честным пирком да за свадебку.

Записано там же, 15 августа.

416